

Глава 10

Снежный пейзаж

К середине седьмого месяца, покончив со всеми делами после разгрома Культа Красного Вэй, Хань Линь вернулся в Чанъань.

В то же время из Шаньчэна в столицу вернулся и Вань Минъюэ. Он не участвовал в решающем сражении — Бай Ин поручила ему охранять Шаньчэн на случай, если кто-то с дурными намерениями решит воспользоваться отсутствием основных сил Ордена Безмолвных Цикад.

Вернувшись в Чанъань, Минъюэ снова занял своё место за столиком для гаданий. В полдень, поедая лапшу, он еще издали завидел силуэт старого знакомого и поспешно уткнулся в миску, делая вид, что полностью поглощён едой.

Но обман не удался. Хань Линь заметил его, отослал своих спутников в таверну, а сам подошёл и сел напротив. За великие заслуги узор на его поясной табличке стал на порядок сложнее.

— Посторонись, не мешай, я занят, — проглотив лапшу, бросил гадатель.

Линь огляделся по сторонам и, услышав это, послушно встал, отойдя в сторону, чтобы не загораживать обзор.

— Орден Безмолвных Цикад снова расставляет сети? — спросил он. — Кого на этот раз ловите?

— Одного из выживших последователей Культа Красного Вэй.

Мечник взглянул на вход в гостиницу.

— Хм, должно быть, дурак какой-то. Мало ли мест, куда можно было сбежать, а он припёрся в Чанъань.

— А чего ты ждёшь от того, кто примкнул к культу в октябре прошлого года? — Вань Минъюэ допил бульон и, увидев, что у входа пока никого нет, заговорил с приятелем. — Когда вернулся?

— Только вчера. Сегодня вот решил с братьями посидеть, полгода не виделись.

— Красивое было зрелище — этот пожар? — Минъюэ отодвинул миску. — Надо же, вы, ребята, целую гору спалили.

— Это люди из Культа Красного Вэй подожгли. В суматохе многие сбежали, вот вы их теперь и ловите, — Хань Линь кивнул в сторону входа.

— Мёртвые не расскажут, всё зависит от показаний тех немногих, кто выжил, — гадатель лукаво улыбнулся.

Собеседник тоже усмехнулся:

— Мы со старшим братом едва оттуда выбрались. Кто же станет поджигать место, едва не сгорев в нём заживо?

Вань Миньюэ сменил тему:

— Говорят, главу культа убил ты.

— Угу, — Хань Линь как ни в чём не бывало отыскал его флягу с водой.

— Тогда, юный герой Хань, не мог бы ты объяснить, как так вышло, что тело и голова оказались в разных местах? Обезглавленный труп лежал в пещере, а голова — снаружи, да ещё и обгорела до неузнаваемости. Что, в цуцзюй захотелось поиграть, и ты пнул её, как мяч? — Миньюэ пристально посмотрел в глаза Линя.

Тот, не моргнув, откупорил флягу и сделал глоток.

— Чтобы утолить ненависть.

— Тогда...

— Я что, пришёл сюда на допрос? — перебил его Хань Линь. — Владыка Павильона и остальные уже сто раз меня об этом спрашивали. Даже если бы я всё выдумал, то давно бы уже заучил свою историю.

Видя, что ничего не добьётся, Вань Миньюэ не стал настаивать и потряс бамбуковым стаканчиком с гадальными палочками:

— Раз уж пришёл, а у меня как раз есть время, не хочешь погадать?

— Не хочу.

— А я, между прочим, очень точно предсказываю. Недавно многие подходили, хватили меня за руки и называли живым божеством, говорили, что всё сбылось, — Миньюэ с важным видом

покрутил фальшивый ус.

— Это ты-то? Да ты каждый урок по Пяти Стихиям пропускал, чтобы через горы ко мне на драку прибежать, — Хань Линь прижал отклеившийся краешек фальшивой родинки на его лице. — Как тебе, кстати, набор тонких стальных игл, что я тебе недавно посылал?

Седьмого числа седьмого месяца этого года Вань Миньюэ исполнилось двадцать лет. Он был сиротой и не придавал значения дням рождения, но в тот день неожиданно получил подарок.

— Я целыми днями гадаю, на живых людях их не применишь, — сказал Миньюэ. — Вечером наш заместитель главы Ордена устраивает праздничный ужин в «Пьяных Цветах и Ивах». Придут все наши из Чанъаня. Из вашего Павильона будут Яо Хуан, Вэй Цзы, Хуа Цзянься и И Утун. Ты придёшь?

Хань Линь бросил на него взгляд и поставил флягу на стол.

— Нет.

— А я думал, ты любишь шумные и людные места, — Миньюэ толкнул его плечом.

— Я в последнее время много мотался, нужно как следует выспаться, — Линь потянулся. — Если все хотят собраться, пусть лучше возьмут мясо и овощи и пойдут к Сун Сюаню.

— Сун Сюань уехал на родину жениться, его больше нет в Чанъане.

Хань Линю стало жаль, ведь Сун Сюань был уже на пороге успеха в Чанъане. Они ещё немного поговорили о городских переменах, и мечник попрощался:

— Ладно, я пошёл, а то всё остынет.

Вань Миньюэ кивнул и протянул ему свою миску.

— Отнеси, пожалуйста. Вон та лапшичная, впереди.

На самом деле он догадывался, почему Хань Линь не пойдёт в таверну. В чём-чём, а в чутье этому парню не откажешь.

Той зимой Линь увёз Хуа Цзянься в Лоян. Она пробыла там три месяца и вернулась в Чанъань, а юноша остался в Лояне до Праздника драконьих лодок, после чего вместе с людьми из лоянского Павильона Светильника отправился на битву с Культom Красного Вэй. Эта битва принесла ему славу, затмившую всех его ровесников.

После возвращения Хуа Цзянься в Чанъань они, казалось, обменялись лишь несколькими письмами — слишком мало для влюблённых. Их отношения, похоже, подошли к концу, как и предсказывала И Утун.

Но Вань Минъюэ не ожидал, что Хань Линь, перед которым открывались блестящие перспективы, всё же вернётся в Чанъань.

Минъюэ и сам бывал в Лояне. Кроме Хуа Цзянься, он не видел других причин для возвращения друга. В битве с Культом Красного Вэй не меньшую славу снискал и его старший брат, Шангуань Цюэ. После этого карьера Цюэ в Павильоне пошла в гору так стремительно, словно его подхватил ветер. Говорили, что Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя наконец-то обрёл тот самый «мозг», которого ему так не хватало.

Но Хань Линь всё-таки вернулся, да ещё и притащил с собой в Чанъань настоящее стихийное бедствие для всех соратников из местного Павильона Дождя.

Вань Минъюэ как-то подшутил над Шангуань Цюэ, сказав, что тот является раз в месяц, точно по расписанию, словно пришёл ловить неверную жену на измене.

Шангуань Цюэ с любезной улыбкой ответил:

— Если под «изменой» ты подразумеваешь проверку счетов на предмет нарушений, то да, можно и так сказать.

Но если других и можно было обмануть, то не Минъюэ. Они выросли практически вместе. Каждый раз, приезжая в Чанъань, Шангуань Цюэ первым делом искал не счета, а Хань Линя.

За исключением походов в весёлые кварталы, от которых мечник отказывался, он всегда был с Вань Минъюэ не разлей вода. Так что и Минъюэ виделся с Шангуань Цюэ как минимум раз в месяц.

Тот самый разговор о «проверке на измену» произошёл одним снежным вечером, когда Шангуань Цюэ пришёл навестить Хань Линя.

За столом собралась большая компания. К середине застолья многие уже изрядно захмелели. Услышав их диалог, пьяницы из Ордена Безмолвных Цикад разразились злорадным хохотом, а их собратья из Павильона Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя принялись жалобно стонать.

Шангуань Цюэ с улыбкой объявил, что угощает, и ропот за столом немного поутих.

Но вот незадача.

— Хань Линь не пил, посидел немного и ушёл, — сказал Вань Миньюэ.

Шангуань Цюэ обвёл всех взглядом и, сощурившись, спросил:

— А госпожа Хуа Цзянься сегодня здесь?

— Была. Как только она вошла, Линь тут же вышел. Она вон там... А? Куда она делась?

Близился конец года, и Орден Безмолвных Цикад вместе с Павильоном Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя устроили совместный пир, на который должны были явиться все. Оба распорядителя в Чаньане были людьми пьющими, как и их ближайшее окружение. Когда Хань Линь ушёл, Вань Миньюэ остался без прикрытия: некому было перехватывать чарки. К счастью, на улице стоял мороз, и горячее вино приятно согревало, не обжигая горло. Но кто бы мог подумать, что после нескольких кругов тостов, хоть и пил он понемногу, голова всё равно поплывёт.

Миньюэ потряс головой, и когда изображение перестало двоиться, он обнаружил, что и Шангуань Цюэ куда-то исчез.

Видя, что большинство сотрапезников уже не держатся на ногах, он начал распоряжаться, чтобы всех развезли по домам. На полпути желудок свело, и он вышел на улицу в поисках укромного уголка. Но холодный воздух со снежинками успокоил подступавшую тошноту, и он решил вернуться.

Подняв голову, он увидел идущую к нему женщину. Приглядевшись, он узнал И Утун.

Увидев бледное лицо Вань Миньюэ, она удивлённо спросила:

— Как ты умудрился так напиться?

— Хань Линь ушёл посреди пира. А те, кто подносил вино, — сплошь важные шишки, не откажешь, — он прислонился к стене, пытаясь унять жжение в груди.

— От таких вещей не увернёшься. Я женщина, а они и мне наливают без зазрения совести, что уж говорить о таком высоком молодом парне, как ты.

Собеседник посмотрел на И Утун. Он слышал от Шао Ланьтина их историю и представлял её себе жёсткой и непреклонной, но не ожидал, что она так хорошо разбирается в житейских делах.

Снег падал редко, и они вместе встали под навес.

— Тебе нужно тренироваться. Хань Линь не всегда будет рядом. Цзян Шуйянь лично занимался с ним почти полгода, а потом бросил в самое пекло, где можно было либо погибнуть, либо прославиться. Рано или поздно он вернётся в Лоян, к Владыке Цзяну.

Миньюэ понимал, что она говорит из добрых побуждений, и кивнул.

— Почему ты называешь вашего Владыку Павильона по имени?

— Я пьяна, — И Утун потёрла виски, и в её холодном взгляде промелькнула тень ненависти. — Хань Линь не такой, как я — женщина, чьё боевое искусство считается нечестивым и недостойным. Если бы не его желание вернуть Хуа Цзянься, Цзян Шуйянь наверняка оставил бы его при себе.

Их положение и статус были разными, и сейчас любые слова утешения прозвучали бы так, будто он обесценивает её страдания. Молодой человек перевёл дух и спросил:

— А ты почему вышла?

И Утун запрокинула голову, вдыхая снежный воздух.

— Ланьтин сказал, что на новый год хочет познакомить меня с родителями.

В затуманенной голове Вань Миньюэ не сразу сложилась картина. Поняв, что её беспокоит, он кашлянул, прогоняя першение в горле:

— Отношения между Павильоном и Орденем, скорее всего, будут только ухудшаться. Этот пир, наверное, последний.

— Да, как только общий враг повержен, старые соперники снова готовы вцепиться друг другу в глотку, — И Утун бессильно закрыла глаза. — На самом деле мне не следовало начинать всё это с Ланьтином. Когда два клана враждуют, слишком много неопределённости. Если бы он был таким же, как мы с тобой, — целеустремлённым, расчётливым, холодным, — я бы смогла сбросить это бремя. Но он не такой. Он такой пылкий, зимой в ледяную реку бросился, чтобы спасти самоубийцу. Мне, в общем-то, всё равно, умрёт тот человек или нет, и плевать на тех, кто кричал, что он зря вмешивается. Мне просто нравится, как он всего себя отдаёт делу. Из-за этого огня я и полюбила его. Ты ведь тоже с ним сблизился из-за этого, не так ли?

Вань Миньюэ понял, на что она намекает, и промолчал.

Он давно знал, что такие люди, как Шао Ланьтин и Хань Линь, — лучшие друзья: пылкие, преданные, всегда готовые прийти на помощь. И худшие любовники — по тем же самым причинам. Когда придёт время, от них не избавишься, и это станет большой проблемой.

Очевидно, И Утун столкнулась именно с такой проблемой.

Она открыла глаза, повернула голову и посмотрела на гадалея.

— Думаешь, я сама виновата?

— Нет, — улыбнулся он.

— Даже если и так, ничего страшного. На твоём месте я бы тоже так подумала, — И Утун выдохнула облачко пара и, повернувшись, пошла обратно. Проходя мимо, она бросила с едва заметной улыбкой: — На заднем дворе расцвела слива. Не хочешь пойти понюхать, протрезветь?

Миньюэ не думал, что после такого разговора она даст ему добрый совет. Но задний двор таверны был небольшим, и что плохого в том, чтобы просто посмотреть на цветы?

С этой мыслью он, держась за стену, побрёл на задний двор. Завернув за угол, он услышал голоса со стороны лестницы.

— Я вернулся в Чанъань по приказу Владыки, правда. Не пойми меня неправильно, — искренне объяснял мужской голос.

— Причина твоего возвращения — не то, о чём ты обязан мне докладывать, — по сравнению с этим женским голосом даже падающий с неба снег казался тёплым.

— Это не я специально тебя преследую, не я хотел вернуться. Я видел последнее письмо, что ты прислала, — в мужском голосе послышались торопливые нотки.

— Знаю! Знаю! Сколько раз мне ещё повторять?! — взвизгнула женщина.

— Ты хоть одно слово из того, что я сегодня говорил, услышала?! Ты избегаешь меня уже полгода, с самого моего возвращения! Не отвечаешь на мои послания! Боишься, что я буду тебя преследовать?! Неужели так трудно понять, что я просто хочу всё объяснить, Хуа Цзянься?! — мужчина тоже сорвался на крик.

Женщина, видимо, поняв, что он на грани срыва, помолчала немного и сказала уже мягче:

— Да, я поняла. Ты вернулся по приказу Владыки Цзяна, он хотел закалить твой дух, и это никак не связано с нами. Между нами всё кончено, и у тебя не осталось никаких чувств.

Мужчина то ли всхлипнул, то ли усмехнулся.

— Хуа Цзянься, когда ты это говоришь, ты хоть раз спрашивала свою совесть?

— Как бы то ни было, у нас действительно нет будущего, — в её голосе слышалась глубокая усталость. — В мире много хороших девушек — невинных, чистых, тех, о ком не ходят грязные слухи. Все они лучше меня, и ты встретишь ту, что будет лучше. Я — плохой выбор.

— Мне всё равно! Мне всё равно! Сколько раз я уже говорил, что мне всё равно?! К чёрту всё это! Мне нужна только ты! — раздался громкий треск дерева.

— Твоя рука... — испуганно произнесла женщина.

— Отпусти, — холодно сказал мужчина.

Послышался звук возни, а затем тяжёлые шаги одиноко простучали по деревянной лестнице вверх.

Вслед за этим по лестнице раздалось три лёгких быстрых шага, но они тут же замерли. Затем снова — вниз, и, наконец, лёгкая фигура, шурша одеждой, перемахнула через ограду и исчезла.

Только когда Вань Минъюэ убедился, что она ушла и не вернётся, он вышел из-за угла.

Надо сказать, снег идеально подходил под настроение Хань Линя.

Гадатель медленно подошёл к лестнице и в свете фонарей с верхнего этажа увидел расколотые перила. Снег, задуваемый ветром, покрыл крыльцо ледяной коркой.

На тонком слое снега под навесом отпечатались беспорядочные следы. Разница в размере была очевидна: большие следы тревожно метались взад-вперёд, маленькие — неподвижно застыли на одном месте.

Глядя на эти следы, такие же смятенные, как и душа того, кто их оставил, Минъюэ почувствовал, как кружится голова. Он никак не мог понять, зачем И Утун привела его сюда.

Не найдя ответа, он снова прокрутил в голове их разговор. За годы знакомства он не считал Линя глупцом, тот должен был понимать, что к чему. Не хотел признавать? Или всё ещё надеялся что-то вернуть? Любовь и вправду делает людей слепыми.

Он достал слиток серебра и тихонько положил его на ступеньку. Это была плата за сломанные перила и, заодно, за билет на это зрелище — его постыдную истерику.

В другом углу двора росла слива. Снег шёл как нельзя кстати, и хотя увиденная сцена была достаточно отрезвляющей, Миньюэ решил, что раз уж пришёл...

Снег заливал всё вокруг ярким светом. Слива действительно цвела — белая мейхуа источала тонкий, едва уловимый аромат.

У стены, прислонившись и закрыв глаза, стоял человек. Он тихо дышал.

В тот день он был в белом плаще и почти сливался со снегом и цветами сливы. Казалось, он стоял так уже давно: его волосы, брови, лицо и одежда были покрыты тонким слоем инея. Но красотой своей он затмевал и снег, и белые цветы, словно божество, чья плоть и кости были созданы из самого снега.

Услышав скрип снега, Шангуань Цюэ открыл глаза, и снег, скопившийся на его длинных ресницах, осыпался вниз. Он медленно повернул голову, посмотрел на Вань Миньюэ, затем, кивнув ему, развернулся и ушёл, ступая по снегу.

<http://bllate.org/book/15990/1443831>